

ПЯТАЯ ВЕДА

Рене Генон, перевод с французского Андрея Игнатьева

Среди специфически современных заблуждений, а эти заблуждения нам часто представлялся случай разоблачать, одним из тех, которые самым прямым образом противостоят всякому подлинному пониманию традиционных доктрин, является то, что можно было бы назвать «историцизмом». Впрочем, в сущности «историцизм» представляет собой только простое следствие «эволюционистского» образа мышления: он заключается в предположении, что все вещи должны были начинаться с самых простых и грубых форм, а затем подвергаться нарастающему совершенствованию. Так что одна или другая концепция будто бы появляется в определённый момент, и чем позднее, тем к более высокому уровню её относят: это подразумевает, что она может являться только «продуктом уже развитой цивилизации», следуя выражению, ставшему столь распространённым, что оно иногда машинально повторяется даже теми, кто пытается бороться против такого образа мышления. Однако у этих людей есть только «традиционалистские» намерения без какого-либо подлинного традиционного знания. Этой манере рассмотрения следует противопоставить недвусмысленное утверждение, что, напротив, именно в начале всё, относящееся к духовной и интеллектуальной сфере, пребывает в состоянии совершенства, от которого оно затем лишь постепенно удаляется в ходе «затемнения», с неизбежностью сопровождающего весь циклический процесс манифестации. Этого фундаментального закона, напоминая которого мы здесь довольствуемся, не вдаваясь в подробности, явно достаточно, чтобы отправить в небытие все результаты мнимой «исторической критики». Можно ещё заметить, что эта «историческая критика» подразумевает вполне установившееся предвзятое мнение отрицать любой сверхчеловеческий элемент, подходить к самым традиционным доктринам как к продуктам чисто

человеческого «мышления», целиком сравнимым в этом отношении с тем, чем являются философия и профанные науки. С этой точки зрения невозможен никакой компромисс, и к тому же в действительности именно это само профанное «мышление» очень недавнего происхождения, появившись лишь как продукт «уже далеко продвинувшегося вырождения», мы могли бы сказать, переворачивая в «антиэволюционистском» духе фразу, которую недавно приводили.

Если мы применим эти общие соображения к индуистской традиции, то скажем, что, вопреки мнению ориенталистов, не существует ничего такого, что называется «ведизмом», «брахманизмом» и «индуизмом», если подразумевать под ними доктрины, которые будто бы увидели свет в следующие одна за другой эпохи и заменяли одна другую, при этом каждой из них присущи представления, принципиально отличные от представлений остальных, если даже более или менее не противоречащие им, представления, которые якобы таким образом формировались последовательно как результат «размышлений», представляемых по образцу обычных философских спекуляций. Эти различные наименования, если мы очень хотим их сохранить, следует рассматривать только как обозначающие одну и ту же традицию, к которой они все могут подходить. Самое большое, можно будет сказать, каждое из наименований относится более прямо к определённому аспекту этой традиции, при этом, впрочем, различные аспекты, тесно связаны и никоим образом не могут быть отделены друг от друга. Это проистекает непосредственно из факта, что традиция, о которой идёт речь, в принципе целиком содержится в Ведах и что, как следствие, всё, что противоречит Ведам или не происходит из них законным образом, этим самым исключается из этой традиции, в каком бы аспекте не рассматривать. Таким образом обеспечиваются сущностные единство и неизменность доктрины, каковыми бы ни были, впрочем, формы развития и приспособления, которым она сможет дать место, чтобы в особенности соответствовать нуждам и способностям людей той или иной эпохи.

Разумеется, неизменность самой доктрины не является препятствием для какого-либо развития и приспособления, при единственном условии, что они всегда строго соответствуют принципам, а также одновременно, ничто из всего этого никогда не составляет «новшеств», потому что в любом случае нельзя вести речь ни о чём другом, как об «объяснении» того, что доктрина подразумевала уже во все времена или ещё об изложении одних и тех же истин различными словами, для того чтобы сделать их более легко доступными для образа мышления более «затемнённой» эпохи. То, что в самом начале могло быть понятно сразу же и без затруднений, люди последующих эпох не могли здесь более увидеть, если не считать исключительных случаев, и тогда было необходимо возместить этот общий недостаток понимания посредством подробных объяснений и комментариев, которые до тех пор никоим образом не были необходимы. Поскольку, к тому же, способность обрести чистое знание постоянно становилась всё более редкой, надо было открыть другие «пути», используя всё больше дополнительных средств, чтобы исправить по мере возможного «упадок», происходивший из века в век в ходе цикла истории земного человечества. Таким образом, можно было бы сказать, что это человечество получало для достижения своих трансцендентальных целей средства тем более значительные, чем больше снижался его духовный и интеллектуальный уровень, чтобы спасти всё то, что ещё можно было, принимая в расчёт условия, неизбежно предопределённые циклическим законом.

Именно посредством этих соображений можно по-настоящему понять место, которое в индуистской традиции занимает то, что обычно определяется термином «тантризм», в том качестве, как он представляет совокупность учений и средств «реализации», преимущественно подходящих для условий Кали-юги. А значит, было бы совершенно ошибочно увидеть в нем отдельную доктрину и с более твёрдым основанием какую-либо «систему», как это всегда чересчур охотно делают люди Запада. По правде говоря, речь идёт скорее о «духе», если так позволительно выразиться, который более или менее

рассеянным образом пронизывает всю индуистскую традицию в её нынешней форме, так что было бы почти невозможно установить внутри этой традиции точные и строго определённые пределы. К тому же, если мы думаем, что начало Кали-юги восходит к эпохе, выходящей далеко за пределы «исторического» времени, следует признать, что само происхождение тантризма, далёкое от того, чтобы быть столь поздним, как утверждают некоторые, неизбежно избегает ограниченных средств, которыми располагают профанные исследователи. Далее, когда мы говорим здесь о происхождении, указывая на его одновременность с началом самой Кали-юги, это только наполовину правда. Точнее, это правда только при условии уточнения, что речь идёт при этом лишь о тантризме как о таковом, мы хотим сказать, как о выражении или внешней манифестации чего-то, что, как и вся остальная традиция, с самого начала было заключено в Ведах, хотя было более ясно сформулировано и получило развитие в своих практических формах только тогда, когда этого потребовали обстоятельства. Стало быть, очевидно, что здесь следует смотреть с двух сторон: с одной стороны, тантризм можно отыскать даже в Ведах, потому что он там присутствует изначально, но, с другой, его собственно можно назвать отдельным аспектом доктрины только начиная с момента, когда он был «сделан явным» по указанным нам причинам, и только именно в этом смысле в Кали-югу его следует рассматривать как нечто отдельное.

Сам термин «тантризм» происходит от того, что учения, составляющие его основу, изложены в текстах, носящих общее название тантр. Это название имеет прямую связь с символизмом ткачества, о котором мы уже говорили по другим случаям, так как в собственном смысле этого слова тантра это «основа» ткани. Мы отмечали, что в других местах также обнаруживаются слова с таким же значением, применяемые к священным книгам. Эти тантры часто рассматриваются как образующие «пятую Веду», особо предназначенную для людей Кали-юги. Было бы совершенно неоправданно, если бы они, как мы только что объясняли, не происходили из Вед,

понимаемых в самом строгом их значении, на основании принятия условий определённой эпохи. Надлежит к тому же принимать в расчёт, что в действительности Веды представляют собой единство, изначально и в некотором роде «вневременное», до того как стать тройными, а затем четвертными по своей структуре. Если они могут быть также пятеричными в нынешний век, в силу дополнительного развития, которое потребовалось из-за упадка способностей к пониманию, и не могут более обнаружиться так прямо на уровне чистой интеллектуальности, очевидно, что это не затронет их первоначального единства, которое по сути своей является их «вечным» (*sanātana*) аспектом, а значит, независимым от особых условий какой бы то ни было эпохи.

Стало быть, излагаемая в тантрах доктрина является только и может являться только продуктом естественного развития, следуя определённым точкам зрения, того, что уже содержится в Ведах, потому что благодаря этому учение тантр, как оно и есть в действительности, может быть составной частью индуистской традиции. В отношении того, чем являются средства «реализации» (*sādhana*), предписанные тантрами, вполне можно сказать, что на этом же основании они на законном основании произошли из Вед, потому что они в сущности выступают ничем иным, как применением и эффективным использованием этой же доктрины. Если эти средства, в состав которых следует, естественно, включить, будь ли то на главном или только на второстепенном основании, обряды любого рода, кажутся, однако, облакающимися в некое «новшество» по отношению тем, что им предшествовали, то дело в том, что не было оснований рассматривать их в предыдущие эпохи, если только не в качестве чистой возможности, потому что люди в ту пору не имели в них никакой нужды и располагали другими средствами, которые лучше соответствовали их природе. Здесь существует нечто совершенно сравнимое с тем, что представляет собой особое развитие традиционной науки в ту или иную эпоху, развитие, которое никоим образом не является самопроизвольным «появлением» или каким-либо «новшеством»,

потому что в этом случае равным образом в действительности речь всегда может идти только о приложении принципов, а значит, чего-то, что существовало ранее по меньшей мере неявным образом, и что всегда было возможно, как следствие, сделать явным в любой момент, в случае если имелось какое-либо основание для этого. Но именно это основание обнаруживается только при обстоятельствах, обуславливающих определённую эпоху.

Теперь, если строго «ведийские» обряды, мы хотим сказать, такие, каковыми они были «в начале», в наше время более не практикуются, то дело в том, что это только является результатом вполне наглядно единственного факта: сома, играющий в этих обрядах основную роль, был утрачен со времени, которое невозможно определить «исторически». Вполне понятно, что, когда мы говорим здесь о соме, его следует рассматривать как представляющее всю совокупность вещей, знание которых, вначале явное и доступное для всех, стало скрытым в ходе цикла, по меньшей мере, для обычных людей. А значит, понадобилось, чтобы с того времени для этих вещей существовали «замены», которые с неизбежностью могли обнаружиться только на более низком по сравнению с ними уровне. Это равносильно тому, что «опоры», благодаря которым «реализация» оставалась возможной, от одной эпохи к другой становились всё более «материализованными», в соответствии с нисходящим движением циклического развития. Связь вина с сомой, что касается их использования в ритуале, могла бы послужить символическим примером. Впрочем, эту «материализацию» не следует понимать просто в самом ограниченном и обычном значении слова. В рассматриваемой нами форме она начинает происходить, можно сказать, как только мы покидаем область чистого знания, которое одно также является чистой духовностью. Обращение к элементам сентиментального или волевого плана, например, не является ни одним из малейших признаков подобной «материализации», даже если эти элементы используются законным образом, то есть, если они берутся только как

средства, подчинённые цели, а целью всегда остаётся знание, потому что, если бы дело обстояло иначе, никоим образом нельзя было бы говорить о «реализации», но только о девиации, симулякре и пародии, обо всех вещах, которые, само собой разумеется, строго исключены традиционной ортодоксией, в какой бы форме и на каком уровне их бы не рассматривать.

То, на что мы только что указали, в конце концов в точности применимо к тантризму, чей путь, вообще говоря, является более «активным», чем «созерцательным» или, другими словами, лежит скорее в направлении «могущества», чем знания. Особо показательной в этом отношении является важность, которую он придаёт тому, что обозначается как «путь-героев» (*vīra-mārga*). Очевидно, что *vīrya*, термин, равнозначный латинскому *virtus*, по крайней мере, в том значении, которое это слово имело до того, как стоики переделали его на «моральный» лад, выражает важное и в некотором роде «типичное» качество, но не брахмана, а кшатрия (*kshatriya*), и *vīra* отличается от пашу (*pashu*), то есть от существа, подчинённого связям обычного бытия, в меньшей мере действенным знанием, нежели чем волевым утверждением «автономии», которая, на этой стадии может даже, в зависимости от того, как она используется, уводить от цели также, как и приводить к ней. Здесь существует опасность, что к «могуществу» стремятся ради него самого, и таким образом, оно становится препятствием, вместо того чтобы быть опорой, и что индивид ухватывается за него для его собственных целей. Но, само собой разумеется, здесь только девиация и злоупотребление, которые, в конце концов, всегда являются лишь результатом неверного понимания, за что никоим образом нельзя возлагать ответственность на доктрину. Кроме того, только что сказанное нами касается лишь «пути» как такового, но не цели, которая в действительности, повторим ещё раз, всегда одна и та же и во всех случаях не может быть ничем иным, как знанием, потому что именно посредством знания и в знании существо «реализуется» по-настоящему все свои возможности. Тем не менее правда, что средства, предлагаемые для достижения этой цели, с неизбежностью несут на себе

отпечаток особых черт Кали-юги: давайте вспомним по этому поводу, что собственная роль «героя» повсюду и всегда представляется как «поиск», который, если он может увенчаться успехом, рискует также закончиться неудачей. «Поиск» даже предполагает, что имеется, когда появляется «герой», нечто, которое было утрачено раньше, и речь идёт о том, чтобы его вернуть. Эту задачу, при выполнении которой *vīra* становится дивья, можно будет определить, если угодно, как поиск *soma* или «напитка бессмертия» (*amṛta*), что, к тому же, с точки зрения символизма является точным эквивалентом того, чем на Западе является Поиск Грааля. И с обретением сомы конец цикла совпадает с его началом во «вневременном».

Источник: *Études Traditionnelles*. № 212–213, август–сентябрь 1937

гг.